

МАТЕРИАЛЫ
К КОРПУСНОЙ
ГРАММАТИКЕ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

Глагол

Часть I

УДК 81-26
ББК 81.2-2
МЗ41

*Рукопись подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00264
Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-16080*

МЗ41 **Материалы к Корпусной грамматике русского языка.** Глагол. Часть I. —
СПб. : Нестор-История, 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-4469-0828-8

Сборник состоит из дескриптивных статей по русской грамматике, написанных на материале Национального корпуса русского языка. Предполагается, что в дальнейшем они составят основу раздела «Глагол» «Корпусной грамматики русского языка» — готовящегося коллективом синхронного грамматического описания, главная особенность которого будет заключаться в последовательном использовании обширного массива корпусных данных. Статьи подобраны так, чтобы дать читателю максимально полное представление об общих принципах Корпусной грамматики: это, в первую очередь, последовательная ориентация на эмпирический корпусный материал и анализ количественных данных, а также теоретическая нейтральность и типологический ракурс представления конкретно-языковых фактов. В сборник вошло восемь статей, образующих три тематических блока: «Модальность и наклонение»; «Морфосинтаксис»; «Система причастий». Сборник открывается кратким предисловием, которое знакомит читателя не только со статьями, непосредственно вошедшими в сборник, но и с проектом по созданию Корпусной грамматики в целом. Адресован широкому кругу лингвистов: русистам, специалистам по корпусной лингвистике, лингвистам-типологам, а также студентам и аспирантам лингвистических специальностей.

ISBN 978-5-4469-0828-8

9 785446 908288

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. Модальность и наклонение

<i>Е. В. Падучева</i>	
Модальность	19
<i>Н. Р. Добрушина</i>	
Наклонение	95
<i>Н. Р. Добрушина</i>	
Сослагательное наклонение	102
<i>Н. Р. Добрушина</i>	
Повелительное наклонение	161

II. Морфосинтаксис

<i>А. Б. Летучий</i>	
Переходность	213
<i>А. Б. Летучий</i>	
Возвратность	268

III. Система причастий

<i>С. С. Сай</i>	
Причастие	341
<i>С. С. Сай</i>	
Страдательное причастие настоящего времени	389

Сведения об авторах и редакторах	446
--	-----

I. МОДАЛЬНОСТЬ И НАКЛОНЕНИЕ

МОДАЛЬНОСТЬ

Модальность — это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания, или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу, т. е. коммуникативную цель говорящего. В грамматике модальность выражается прежде всего **наклонением**. Например, в предложении *Не уверен, что Маша пришла бы* сослагательное наклонение выражает тот факт, что ситуация прихода Маши является гипотетической, а не реальной. В предложении *Вот бы пришла Маша!* сослагательное наклонение выражает желательность той же ситуации для говорящего. В предложении *Уходи, Маша!* повелительное наклонение выражает побуждение к действию. Модальные значения выражаются и многими другими способами — конструкциями (*Быть бычку на веревочке*), вводными словами (*наверно*), модальными глаголами и предикативами (типа *мочь, можно, нужно*), частицами (*все-таки*) и проч.

1. Модальность как понятийная категория
 - 1.1. Три типа модальных значений
 - 1.2. Модальность и смежные явления: отрицание, оценка, эвиденциальность
 - 1.3. Модальность как эгоцентрическая категория
2. Модальность и наклонение
 - 2.1. Модальность как экстраполированное наклонение
 - 2.2. Проблема совместимости модальных значений
 - 2.3. Изъявительное наклонение и снятая утвердительность
 - 2.4. Сослагательное наклонение
 - 2.4.1. Синтаксически подчиненная позиция
 - 2.4.2. Синтаксически независимая позиция
 - 2.5. Совместимость модальностей разных типов
3. Иллокутивная модальность
 - 3.1. Грамматическая иллокутивность: повествовательные, побудительные и вопросительные предложения
 - 3.2. Ассертивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе ассертивов

- 3.3. Императивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе императива
 - 3.3.1. Речевые действия и перформативные глаголы
 - 3.3.2. Побудительные речевые акты. Три примера
 - 3.3.3. Дополнительные сведения об императивном предложении
- 3.4. Вопросительная грамматическая иллокутивность; частные иллокутивы
- 3.5. Иллокутивные употребления союзов
- 4. «Субъективная» модальность
 - 4.1. Модальности возможность и необходимость
 - 4.1.1. Онтологическая, деонтическая и эпистемическая возможность и необходимость
 - 4.1.2. Нелексические показатели возможности и необходимости
 - 4.1.3. Возможность и необходимость в модальной логике
 - 4.2. Субъективная модальность, выражаемая наклонением
 - 4.3. Субъективная модальность, выражаемая конструкциями
 - 4.4. Субъективная модальность, выражаемая вводными словами
 - 4.4.1. Некоторые классы вводных слов и их свойства
 - 4.4.2. Синтаксическая подчинимость вводных слов
 - 4.4.3. Всегда ли подразумеваемый субъект вводного слова — говорящий?
- 5. Библиография

1. Модальность как понятийная категория

1.1. Три типа модальных значений

Термин **модальность** используется для обозначения широкого круга разнородных явлений. К сфере модальности относят следующие группы значений.

а) Противопоставление по признаку **реальность — ирреальность**, ср. *Он стал чемпионом мира* (реальная модальность) и *<Ему надо было выиграть последнюю партию — тогда> он стал бы чемпионом мира* (ирреальная модальность). Это так называемая **«объективная»** модальность, которая выражается грамматической категорией наклонения — а именно, оппозицией индикатив vs. сослагательное наклонение, см. п.2, а также статью Сослагательное наклонение.

б) Противопоставление высказываний по **иллокутивной силе** (в традиционной терминологии это «тип предложения по цели высказывания»): высказывания и предложения бывают повествовательные, побудительные, вопросительные: *Дети ушли*; *Дети, уходите!*; *Ушли ли дети?* Соответственно, говорят об **утвердительной** (ассертивной), **побудительной** и **вопросительной** «иллокутивной модальности». Имеются также более частные иллокутивные типы. Иллокутивная сила выражается наклонением (в частности, повелительным),

вопросительными словами и частицами, интонацией и множеством конструкций «малого синтаксиса» (*Что бы тебе с ней познакомиться!* — побуждение), см. п.3.

в) К сфере модальности относятся также значения, которые выражают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, — т. е. психологическую или ментальную **установку** говорящего, propositional attitude, или attitude of the mind, например желательность, гипотетичность, сомнение и под. Это так называемая «**субъективная модальность**», см. [Виноградов 1975]; [Грамматика 1980(II): 214–236]. Субъективно-модальные значения выражаются сослагательным наклонением в оптативном (желательном) значении (см. Сослагательное наклонение / п.2.3), а также: вводными словами и словосочетаниями, специальными конструкциями, частицами и междометиями, порядком слов и интонацией. Все эти граммемы, слова и конструкции в своей семантике предполагают говорящего — при этом говорящий не является при них эксплицитно выраженным субъектом: *Ну и дождь! Вот дождь так дождь! Уж и дождь! Дождь и дождь! Тот еще был дождь! Наверно, дождь! Надо же, дождь!* Эти значения часто бывают экспрессивно окрашены. Как синоним можно использовать термин **установочная модальность**. (В [Плунгян 2011: 424] эта модальность фигурирует как «**оценочная**».) См. п.4.

г) Начиная с Аристотеля, модальными принято называть значения **возможности** (*До вокзала можно доехать на трамвае*) и **необходимости** (*Ты должен ей помочь*). В русском языке возможность и необходимость выражаются лексически (глаголами, предикативами, вводными словами, частицами), а также конструкциями — прежде всего инфинитивными: *Тебя не убедить* (= ‘нельзя убедить’, отрицание возможности), *Мне завтра дежурить* (= ‘надо дежурить’, необходимость). Есть языки (например, венгерский, японский), где подобные значения выражаются морфологически. Значения возможность и необходимость, особенно в своей **эпистемической** (связанной со знанием) и **деонтической** (связанной с долгом) разновидности, естественно примыкают к зоне субъективной модальности. См. о них п.4.1.

Итак, можно различить три сферы модальности в русском языке — объективную, субъективную и иллокутивную. Именно эти три сферы модальности различаются и в целом в языках мира, см., например, [Foley, Van Valin 1984: 214]; в [Le Querler 1996] они называются, соответственно, объективная, субъективная и интерсубъектная.

В отличие от времени, вида или лица, модальность не выражается в русском языке никакой единой грамматической категорией

(наклонение выражает многие модальные значения, но не все). Однако модальность — это одно из важных для русского языка **грамматических значений** (грамматических в типологическом смысле, т. е. потенциально способных обслуживаться грамматикой — не в смысле грамматического значения по Якобсону [Якобсон 1959]; похожее место в русской грамматике занимает, например, определенность): модальность — это элемент «универсального грамматического набора» [Плунгян 2011: 94–95]. Далее речь идет о **русской грамматической модальности**, т. е. о модальности, которая выражается в русском языке грамматически — морфологически или синтаксически.

Что касается значений возможность и необходимость, то в ряде европейских языков глаголы, выражающие возможность и необходимость, называются модальными и относятся к сфере грамматики в силу своих морфологических особенностей, так что выражаемые ими значения причисляются к грамматической модальности автоматически. В русском языке показатели возможности и необходимости морфологически ничем не выделяются (см., впрочем, п.2.4.2). Однако и в русском языке эти слова относятся к сфере грамматической модальности, поскольку они имеют специальные **синтаксические рефлексy**. В частности, показатели возможности и необходимости имплицитно, в некоторых употреблениях, эгоцентрический **модальный субъект**, отличный от подлежащего (в [Плунгян 2011: 435] отмечено, что появление говорящего как субъекта модального показателя свидетельствует о грамматикализации показателя). Другой возможный синтаксический рефлекс лексического модального показателя — **синтаксическая неподчинимость**, см. п.3.2, п.4.2; это тоже основание для того, чтобы считать лексическую единицу с модальным значением объектом грамматики.

Иллокутивные противопоставления в русской грамматической традиции не относят к сфере модальности: они составляют отдельный параметр. Так, в [Грамматика 1960(II): 353–367] повествовательные, вопросительные и побудительные предложения рассматриваются как «классы предложений по цели высказывания». Однако в [Грамматика 1980(I): 215] возможность включения иллокутивных значений в число модальных в принципе не отвергается. (Эти значения включены в число модальных, например, в [Бондарко и др. 1990].) В самом деле, если причислить к сфере модальности объективную и субъективную модальность, то и иллокутивную нужно включить туда же: императив, как и индикатив, — это наклонение, а значение наклонения — это модальное значение, см. ниже п.2.1. См. в [Palmer 1986: 14–23] о связи

наклонения и модальности и в [Lyons 1977: 828] о семантической близости императива и деонтической (см. п.4.1.1) модальности.

В содержании высказывания обычно можно различить модальный показатель и **пропозицию** (см. о пропозиции [Lyons 1977: 452] и обзор в [Падучева 1985: 34–40]) — что примерно соответствует «модусу» и «диктуму» в терминологии Шарля Балли, см. [Балли 1955]. Следует, однако, иметь в виду, что пропозиция может содержать модальный оператор (такой как *возможно* или *нужно*) или предикат пропозициональной установки (типа *желательно*, *жалко*), т.е. быть **модализованной**. Так, во фразе *Ты, возможно, забыл о нашей договоренности?* сферу действия, т.е. диктум, одного модального показателя, вопроса, составляет пропозиция с другим модальным показателем — *возможно*. Термины Балли поэтому не всегда удобны: Балли исходит из того, что модус иерархически выше, чем диктум, а на самом деле диктум (по отношению к какому-то модусу) может сам содержать в себе модус.

В особом положении находятся показатели иллокутивной модальности: они действительно выражают такой модус, который не может входить в диктум, т.е. неподчинимый, см. п.3.2. Так, предложение с *должен*, которое выражает деонтическую модальность, субъективную, подчинимо (*Мама считает, что ты должен ей помочь*), а предложение с императивом, который выражает близкую по смыслу, но иллокутивную модальность, — нет: **Мама считает, что помоги ей* (см. о неподчинимости императива Повелительное наклонение / п.3.3). Иллокутивный показатель не может даже входить в сферу действия отрицания — отрицание при императиве выражает не отрицание в обычном смысле слова, а новый речевой акт (так, *Открой дверь!* — **побуждение**, а *Не открывай дверь!* — **прохибитив**), см. Повелительное наклонение. Впрочем, и здесь есть исключения; о возможной подчинимости иллокутивных показателей см. п.3.5.

Итак, понятийных центров в сфере модальности не два, как иногда считают (ср. [Плунгян 2011: 423]), а три: модальность выражает а) отношение высказывания к действительности; б) отношение говорящего к содержанию высказывания и в) коммуникативную цель высказывания.

Граница между иллокутивной и субъективной модальностью не всегда четкая. Так, ирония — это речевой акт, т.е. иллокутивная модальность; но ирония может быть экспрессивным способом выражения отрицания, а экспрессия — это сфера субъективной модальности. В [Грамматика 1980(II): 216] к сфере субъективной модальности относятся значения типа согласие / несогласие, приятие / неприятие <высказывания собеседника>, одобрение, порицание, осуждение, призыв,

побуждение, предостережение, угроза, непонимание, подчеркивание и т. п., многие из которых следовало бы отнести к иллюкутивной сфере. Скажем, одобрение, и особенно неодобрение, в контекстах *Дался тебе этот мотоцикл!* или *Охота же была тебе жениться!* (примеры из [Шмелев 1958]) — это иллюкутивные значения. Различие следует видеть в том, что в контексте иллюкутивной модальности говорящий выступает прежде всего как субъект речи, **обращенной на адресата**, тогда как в контексте субъективной модальности он только субъект пропозициональной установки, ср. в этом плане пожелание и желание. Однако это различие не всегда легко выявить.

Модальные значения разных типов могут совмещаться, т. е. иметь сферой действия одну и ту же пропозицию. Так, утвердительная иллюкутивность совместима с разными вариантами субъективной модальности, выраженной вводными словами: *Иван, должно быть, в Киеве; Он едва ли вернется* и проч. Вопросительная иллюкутивность совместима с сослагательным наклонением: *Ты пошел бы с ним в разведку?* Это исключает трактовку вопросительности как наклонения в русском языке. Имеются, однако, определенные ограничения совместимости модальных значений из разных сфер, см. об этом п.2.5.

1.2. Модальность и смежные явления: отрицание, оценка, эвиденциальность

Границы семантической сферы модальности проводятся разными учеными по-разному. Остановимся на некоторых значениях, которые близки к модальным, но **не** относятся к ним — по крайней мере, в грамматике русского языка.

Не относится к числу модальных значений **отрицание** (если не считать экспрессивного отрицания, которое входит в сферу субъективной модальности, как в предложении *Охота была мне туда идти!* = ‘нет охоты’). Отрицание — это оператор, который соединяется с самыми разными грамматическими значениями (в том числе с модальными), образуя естественные семантические сочетания. Например, отрицание возможности — это невозможность, отрицание разрешения — это запрет. Категорию, образуемую противопоставлением утверждения и отрицания, называют **полярность** (см., например, [Horn 1989: 157]; [Мельчук 1998: 149]).

К сфере модальности близки слова со значением **оценки**. Разница в том, что модальные значения характеризуют пропозицию в целом, тогда как оценка (обычно по параметру хорошо / плохо) входит чаще в семантику отдельных слов (таких как *умудриться, угораздить,*

психовать, выпендриваться). Это отдельная сфера в семантике естественного языка (преимущественно в лексической семантике), хотя и близко примыкающая к субъективной модальности. См. об оценке [Арутюнова 1998: 130–274].

К сфере модальности примыкает и грамматическая категория **эвиденциальности**, которая выражает источник сведений говорящего о ситуации, или, точнее, путь доступа к сообщаемой информации, см. работы Н. А. Козинцевой в [Храковский 2007b], а также [Aikhenvald 2004]; [Плунгян 2011: 450]. В языках с грамматикализованной эвиденциальностью высказывание о факте, т. е. о событии, которое говорящий сам видел или в котором принимал участие (**прямая эвиденциальность**), грамматически противопоставлено высказываниям с **косвенной эвиденциальностью**, где говорящий основывается на данных, которые ему сообщили (**цитатив**); сообщает результат своих умозаключений (**инферентив**); то, что ему показалось (**имперцептив**) и т. п. В русском языке эвиденциальность не является грамматической категорией, хотя лексические показатели эвиденциальности (главным образом частицы и вводные слова) имеются во множестве, например: *якобы, будто бы, как будто, кажется, видимо, похоже*, см. [Булыгина, Шмелев 1997]; [Храковский 2007a]; [Letuchiy 2008]⁵. Особую роль играют частицы *мол, де* и *декабрь*, «ксенопоказатели» по Н. Д. Арутюновой, связанные с передачей чужой речи, но выражающие комплекс значений, не сводимый к простой цитативности (см., в частности, [Плунгян 2008]; [Падучева 2011b]).

Существует тесная связь между эвиденциальностью и эпистемической модальностью: эпистемическая модальность обычно означает выраженную говорящим неполную степень **достоверности** сообщаемой им информации (см. п.4.1.1), а эвиденциальность маркирует **источники** информации, на которых говорящий основывает свое высказывание, — тем самым частично снимая с себя ответственность за достоверность информации. Оба значения могут выражаться нерасчлененно в одном показателе, но косвенная эвиденциальность сама по себе не подразумевает недостоверности [Храковский 2007a]. В [Palmer 1986] эвиденциальность включена в сферу модальности. В некоторых пунктах эвиденциальность и модальность действительно совпадают, см. в [Плунгян 2011: 366] о том, что эвиденциальное

⁵ Ниже (п.4.4.1) некоторые из перечисленных показателей рассматриваются в ряду средств выражения субъективной модальности, поскольку они многозначны и имеют как упоминаемые тут эвиденциальные, так и модальные употребления.

значение конклюдивность (иначе — презумптивность) — это не что иное, как эпистемическая необходимость. Однако общепринятой можно считать точку зрения, согласно которой эвиденциальность и модальность — это разные категории, между которыми существует тесная связь. См. подробно о связи между модальностью и эвиденциальностью, например, [Макарцев 2014: 40–49].

1.3. Модальность как эгоцентрическая категория

В [Грамматика 1980(II): 214] по отношению к значениям, которые выражаются наклонением, используется термин «**объективная**» модальность. На самом деле семантика наклонения всегда субъективна — в том смысле, что предполагает говорящего субъекта. Для оптативного значения сослагательного наклонения это очевидно: *Было бы сейчас лето!* = ‘я хочу, чтобы сейчас было лето’. Но говорящий присутствует также и в семантике изъявительного наклонения (индикатива). Это демонстрирует известный парадокс Мура, см. [Wittgenstein 1953: 190]. Фраза *Она красива, но я так не считаю* аномальна, поскольку содержит противоречие: первая клауза ‘она красива’ имеет импликацию ‘я считаю, что она красива’, которая противоречит асерции второй клаузы — ‘я так **не** считаю’. Компонент ‘я считаю...’ в семантике утвердительного предложения — это даже больше, чем импликация: это **эпистемическое обязательство** говорящего. Эксплицитное отождествление субъективности в языке с фигурой говорящего субъекта принадлежит Э. Бенвенисту, см. [Бенвенист 1974: 292].

Правда в подчиненной синтаксической позиции субъектом модальности может быть не говорящий. Так, в предложении *Петька мог и соврать* субъект модальности, выраженной модальным глаголом, — говорящий (см. об этом п.4), а в *Иван считает, что Петька мог и соврать* субъект модальности не говорящий, а Иван — подлежащее главного предложения. В самом деле, есть разные **режимы интерпретации** ([Падучева 1986]; [Падучева 1996]), т. е. разные контексты употребления языка: кроме обычного речевого (иначе — диалогического) дискурса есть нарратив и, соответственно, нарративный контекст; есть гипотаксический контекст (т. е. контекст подчиненного предложения). И существуют общие правила **проекции**, согласно которым говорящего могут замещать, в разных коммуникативных контекстах, разные субъекты (см. о проекциях в [Lyons 1977: 579] и, подробно, в [Падучева 2011a]). Правила проекции касаются не одного только модального субъекта, а субъективности в целом.

Подразумеваемый субъект модальности зависит в том числе от типа речевого акта. Например, в вопросе и в ответе субъект может быть разным:

(1) — *Можно* <мне>? — *Можно* <тебе>.

Наличие подразумеваемого модального субъекта может определять границу между грамматической и лексической модальностью, см. об этом в п.4.1.1.

С этими оговорками, можно сказать, что общим для всех явлений из сферы грамматической модальности является участие говорящего: модальность — это **эгоцентрическая** категория. Именно на этом основании из сферы модальности исключено отрицание (см. п.1.2 выше), которое не является эгоцентрической категорией — по крайней мере, в русском языке.

По Палмеру, субъективность является критерием модальности («subjectivity is an essential criterion of modality» [Palmer 1986: 16]). Однако модальность — далеко не единственная эгоцентрическая категория. Другая сфера эгоцентрического — **дейксис**. (Эти две сферы объединены в классической работе Р. О. Якобсона — [Jakobson 1957/1972], которая ввела в обиход более общее понятие **шифтера**.) Третья и четвертая — это уже упоминавшиеся оценка и эвиденциальность. Наконец, есть **коммуникативная структура** (тема-рематическое членение), которая имеет дело с оппозицией известное / неизвестное, тем самым апеллируя к говорящему и слушающему.

Ниже в п.2 содержится краткий обзор модальных значений, выражаемых наклонением (подробно о модальных значениях, выражаемых наклонением, см. Наклонение), — который завершает тему «Модальность и наклонение»; здесь же уточняются границы объективной модальности. В заключение в п.2 приводится таблица сочетаемости трех типов модальности друг с другом. В п.3 речь идет об иллокутивной модальности, в п.4 — о субъективной модальности, в частности о возможности и необходимости, выражаемых модальными глаголами и предикативами.

2. Модальность и наклонение

2.1. Модальность как экстраполированное наклонение

В п.1.1 мы различили три типа модальных значений.

1. Модальность как отношение ситуации к реальному миру (а именно ее реальность или нереальность). Этот тип модальных значений мы

называем, несколько сужая традиционное употребление, **объективной модальностью**, поскольку речь идет об отношениях высказываемого с «объективной» реальностью. Сужение состоит в том, что традиционно все значения, выраженные наклонением, относятся к сфере объективной модальности (см. [Грамматика 1980(II): 214–215]), а в нашем употреблении это не так: оптативное значение сослагательного наклонения (желательность) относится к сфере субъективной модальности (см. п.4.2), а императив вообще к иллюкутивной (см. п.3.3). Иначе говоря, объективная модальность выражается наклонением, но не все значения наклонений принадлежат к сфере объективной модальности.

2. Модальность как отношение говорящего к ситуации — ее желательность, возможность, сомнительность и т. п. Этот тип значений мы назвали **субъективной модальностью**, несколько расширив употребление, традиционное для русской грамматики, а именно включив туда желательность (= оптативность), выражаемую наклонением, а также традиционные категории модальной логики — возможность и необходимость. Речь идет о таких «субъективных» значениях, как психологическая или эпистемическая установка; отсюда синоним — **установочная** модальность.

3. Модальность как коммуникативная цель говорящего: выражение утверждения, побуждения, вопроса. Это **иллюкутивная модальность**.

Как легко видеть, единственное, что есть общего у всех значений, которые мы согласились признать модальными, — это то, что эти или подобные значения выражаются наклонением. Например, раз побуждение (выражаемое императивом) — модальное значение, то и вопрос тоже, поскольку это значение того же рода — иллюкутивное. Раз желательность — модальность, то возможность, необходимость, уверенность, сомнение, удивление тоже модальности, поскольку все это разные отношения говорящего к ситуации. Что же касается объективной модальности, то она только наклонением и может быть выражена. Таким образом, **модальные значения — это значения наклонений, экстраполированные по всем возможным направлениям.**

ПРИМЕЧАНИЕ. Есть распространенная формулировка: «наклонение — это грамматикализованная модальность», см. [Плунгян 2011: 423]. Она имеет право на существование, но скорее можно думать, что эмпирически выявленный набор значений, которые в разных языках выражаются наклонением (см., например, [Добрушина 2012b]), является источником для очерчивания сферы модальности, чем что модальность в каком-то априорном понимании лежит в основе имеющегося набора наклонений. Так, наклонение в русском языке связано с модальностью в логическом смысле (т. е. со значениями ‘возможность’ — ‘необходимость’) только через самое периферийное значение — оптативное.

Проведя семантическую экстраполяцию значений наклонения даже на базе одного лишь русского языка, мы легко сможем увидеть грамматическую модальность за пределами наклонения — в семантике конструкций (см., например, о модальных значениях конструкций с инфинитивом в [Пешковский 1928/2001: 381–383]; [Добрушина 2012a]), вводных слов, частиц и даже в лексической семантике обычных глаголов и предикативов (см., например, о глаголе *мочь* в этом контексте п.4.1.1.1).

По поводу трех типов модальных значений следует сделать ряд уточнений.

1. Противопоставление в рамках объективной модальности не бинарное, как принято считать (см., например, [Урманчиева 2004]), а тернарное: реальность противопоставлена не только ирреальности, т. е. контрфактивности; имеется еще третья возможность — **нейтральность**, когда **отношение ситуации к реальному миру в предложении не определено**: пропозиция употребляется безотносительно к истине. Например, нейтральную объективную модальность имеет пропозиция ‘он приехал’ в некоторых гипотаксических контекстах: *Я думаю, он приехал*; или в контексте вопроса: *Он приехал?* Нейтральная объективная модальность — это то же, что **неверидиктальность** в [Giannakidou 2002].

Отдельно следует рассмотреть модальности пропозиций в условном предложении. В [Плунгян 2011: 429] усматривается в русском языке различие между реальным и нереальным (читай «нереалистичным») условием — оно сводится к вероятности наступления ситуации. Про придаточные условные в примерах (2а) и (2б) говорится, что в (2а) выражено «реальное условие», событие высоковероятное (а скорее — не оценивается по шкале вероятностей); а в (2б) — «нереальное условие», событие маловероятное:

- (2) а. Если <завтра> *пойдет* дождь, мы останемся дома. — б. Если *бы* <завтра> *пошел* дождь, мы бы остались дома.

Следует подчеркнуть, что модальность пропозиции условного предложения в обоих случаях нейтральная. Отличие (2а) от (2б) скорее в том, что (2б) выражает желательность ситуации-условия. Пример (2б) поэтому звучит странно, естественнее было бы сказать, например:

- (3) Если *бы* завтра *было* солнце, мы бы пошли гулять.

Нейтральная модальность пропозиции-условия означает, что ситуация упоминается **безотносительно к реальности**: пропозиция-условие

в (2) и (3) имеет такую же нейтральную объективную модальность, как пропозиция 'он приехал' в контексте *Я думаю, он приехал*. Иное дело предложение (6), пример из [Плунгян 2011: 430], — в нем пропозиция-условие имеет контрфактивную модальность; событие не имело места:

(4) Если *бы* вчера шел *дождь*, мы бы остались дома.

В классификации условных конструкций традиционно выделяется три типа условий: реальное условие, нереальное и контрфактивное. В некоторых языках все они формально противопоставлены, ср. примеры из английского: *if it rains* (реальное условие), *if it rained* (нереальное условие) и *if it had rained* (контрфактивное условие).

В русском языке тоже можно выделить тип предложений нереального условия, см. пример (2б) с сослагательным наклонением в главном и в придаточном, но с содержательной точки зрения такие предложения обычно тяготеют либо к нейтральной, либо к контрфактивной модальности. Только контекст может позволить выразить нереальное (маловероятное) условие⁶. См. Сослагательное наклонение / п.4.2.1.

Что же касается объективной модальности, то реальное условие и нереальное условие не различаются: в обоих случаях модальность нейтральная. Различаются только нейтральная модальность и контрфактивная: первая может быть выражена как изъявительным наклонением (2а), так и сослагательным (2б), вторая — только сослагательным (4).

ПРИМЕЧАНИЕ. В типологической литературе принят термин «истинностный статус пропозиции», см., например, [Noonan 2007]. Фактически это то же, что объективная модальность. Объективная модальность бывает реальная (ср. *Иван болен*), ирреальная (ср. *<Иван делает вид, что> он болен*) и нейтральная (ср. *<Я думаю, что> Иван болен*). А истинностный статус имеет значение истина в первом примере, ложь во втором, и безотносительность к истине в третьем.

Нейтральная и контрфактивная модальность могут быть противопоставлены с точки зрения набора средств выражения не только в условном, но и в относительном предложении (подробнее см. п.2.4.1). Если определяемое слово находится в интенциональном контексте, то модальность в придаточном нейтральная и ее может выражать и сослагательное наклонение, и будущее время, см. (5). А если определяемое слово находится в контексте несуществования,

⁶ См. пример из Корпуса: {Я слышал, что у берегов Антарктиды водится одна очень редкая рыбка, еще ни одному ученому не удалось ее поймать.} Если бы я только смог поймать эту замечательную чудо-рыбку, то был бы просто счастлив! Тогда я стану самым знаменитым ученым. [В. Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина на «Дрындолете» (1997)]

то модальность в придаточном контрфактивная, и тогда сослагательное наклонение — это единственная возможность, будущее время исключено, см. (6):

- (5) ...искал человека, который *согласился бы* ему помочь = искал человека, который *согласится* ему помочь;
- (6) а. ...не было человека, который *согласился бы* ему помочь —
б. *не было такого человека, который *согласится* ему помочь.

2. Объективная модальность отличается от субъективной не только по существу, но и, до некоторой степени, способом выражения. Противопоставления в рамках объективной модальности выражаются в русском (и, как кажется, во всех языках) только наклонением. А субъективная, т. е. установочная, модальность чаще выражается специальными операторами установки (глаголом, предикативом, вводным словом, частицей) — такими как *можно, нужно <чтобы>, желательно <чтобы>* — или конструкциями (например, инфинитивной). Установка может выражаться наклонением, как уже упоминавшаяся желательность, выражаемая сослагательным наклонением в оптативном значении. А объективная модальность, кроме наклонения, не выражается ничем.

Важное различие между объективной и субъективной, т. е. установочной, модальностью состоит также в том, что установок много — все вводные слова, такие как *к счастью, пожалуй*, выражают ту или иную установочную модальность. А объективных модальностей всего три. При этом установка при данной пропозиции может присутствовать или не присутствовать в семантике высказывания, а та или иная объективная модальность **обязательно** должна быть выражена при любом финитном глаголе или предикативе. В [Урманчиева 2004] представлены типологические свидетельства в пользу того, что противопоставление реальность — ирреальность может даже образовывать отдельную грамматическую категорию. Однако в русском языке грамматической категорией остается наклонение (в семантику которого входит не только значение реальности / ирреальности в чистом виде), а объективную модальность можно рассматривать всего лишь как одну из трех семантических сфер понятийной категории модальность.

3. К числу модальностей, которые входят в рассмотрение при обсуждении значений наклонения, принадлежит **обусловленность**. Согласно [Плунгян 2011: 428], эту модальность имеет ситуация, обозначающая «возможность, <...> реализация которой зависит от определенного фактора», т. е. условия. Наклонение глагола в предложении, выражающем

условие, может быть как сослагательным, пример (7) — *удалось бы*, так и изъявительным, пример (8) — *получил*:

- (7) Если бы удалось, все было бы намного проще. [Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем (2002)]
- (8) Если Иван получил мое письмо, он знает о случившемся.

В. А. Плуноян рассматривает обусловленность как разновидность объективной модальности, и это оправдано тем, что обусловленность может выражаться наклонением. (В некоторых языках есть особое наклонение, выражающее обусловленность: таковы, например, итальянский и отчасти немецкий кондиционалис, который употребляется в главном, но не в придаточном предложении с союзом условия и выражает именно обусловленность.) Однако в русском языке главную роль в выражении этой модальности играет не наклонение (специального наклонения, которое бы использовалось только в позиции обусловленности, в русском языке нет), а сам по себе контекст условия. Так что обусловленность, т. е. зависимость от условия, отнесена нами к субъективной, установочной модальности. Подробнее о модальности обусловленность, которая составляет одно из значений сослагательного наклонения, см. в п.2.4.

Наклонение глагола в позиции обусловленности может быть сослагательным, как в (7) — *было бы*, или изъявительным, как в (8) — *знает*, — в зависимости от контрфактивности или нейтральности условия. В (8) модальность условия однозначно нейтральная, а предложение (7) неоднозначно: условие, выраженное глаголом в сослагательном наклонении, может быть нейтральным, если относится к будущему, и контрфактивным, если к прошлому. Поэтому неоднозначна и объективная модальность ситуации в главном предложении: она может быть нейтральная или контрфактивная.

Условие может иметь и реальную модальность. В этом случае оно часто оформляется союзом *раз* (хотя и союз *если* не исключен):

- (9) *Раз ты просишь*, я подожду! [А. Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]

Модальность же ситуации в главном предложении в (9), как и в (8), нейтральная.

Условие (т. е. фактор, от которого зависит реализация возможности) может быть выражено не только условным придаточным, как в (7)–(9), но и множеством других способов — в примере (10) условиями являются *иначе*, *год назад*, *без моего согласия*:

(10) *иначе он бы отказался; год назад он бы так не рассуждал; без моего согласия он бы сюда не явился.*

4. Еще одно уточнение касается иллюкутивной модальности. Помимо двух очевидных неутвердительных иллюкутивных модальностей, вопросительной (*Ушла ли Маша?*) и побудительной (*Уходи, Маша!*), имеется еще третий тип неутвердительности — у пропозиции в синтаксически подчиненной позиции, которая лишена самостоятельной иллюкутивной силы, т. е. имеет **нулевую иллюкутивность**. Такая пропозиция часто имеет нейтральную объективную модальность, как в контексте *<Я думаю, что> Маша ушла*. Однако нулевая иллюкутивность может быть совмещена с объективной модальностью «реальность» — у пропозиции в статусе презумпции или имплицатива, например: *<Мне жаль, что> Маша ушла*.

2.2. Проблема совместимости модальных значений

Одна и та же пропозиция может находиться в сфере действия всех трех модальностей — объективной, субъективной и иллюкутивной. Т. е. возможно, а иногда и обязательно, совмещение модальностей разных типов при одной пропозиции. Тут действуют определенные правила совместимости. Установка (субъективная модальность) может предсказывать выбор одной из объективных модальностей однозначно. Так, вводное *едва ли* порождает у пропозиции в его сфере действия нейтральную объективную модальность (*Едва ли Иван приехал*), а вводное *к счастью* совместимо только с реальной объективной модальностью (*К счастью, Иван приехал*). (В контексте обусловленности, естественно, не так: *К счастью, если вы не трогаете курсора, вы загружаетесь в Windows через 30 секунд.*)

Полной предопределенности, разумеется, нет. Например, хотя установка желательность исключает реальную объективную модальность (см. п.2.4.2), но уже **нежелательность** вполне совместима и с реальной объективной модальностью: *Маше приходится изворачиваться* = ‘Маша изворачивается, и это нежелательно — говорящему и Маше или только говорящему’. Так что в сфере действия установки желательность возможно противопоставление двух значений реальной модальности.

Важнейшее ограничение касается совместимости объективной и иллюкутивной модальности: только утверждение совместимо с реальной объективной модальностью — вопрос и побуждение требуют нейтральной. Совместимости модальностей разных сфер посвящен п.2.5.

Разграничив три сферы модальности, мы можем теперь обратиться к семантике наклонения. Как синонимы традиционных русских терминов изъявительное, сослагательное и повелительное наклонение используются однословные: индикатив, конъюнктив и императив (см. Наклонение).

2.3. Изъявительное наклонение и снятая утвердительность

В своем основном значении индикатив описывает ситуацию как принадлежащую к реальному миру: настоящее время индикатива (в речевом режиме) — как имеющую место в момент речи, прошедшее — как имевшую место до момента речи:

- (11) Солдаты *едут* в кузове батальонного грузовика. Теперь они с необычайной развязностью *говорят* про женщин. [С. Довлатов. Поверх барьеров (1991)]
- (12) — А мы с мужем разошлись. <...> Я сама его бросила. (В. Токарева. Телохраниитель)

Будущее время индикатива описывает ситуацию как такую, которая будет иметь место после момента речи (впрочем, будущее время может выводить ситуацию за пределы реальной модальности, см. ниже).

- (13) Поголовную безграмотность *ликвидируем!* Кухарка *будет управлять* государством! [С. Довлатов. Чирков и Берендеев (1985)]

Индикатив противопоставлен конъюнктиву и императиву, которые не характеризуют ситуацию как реальную.

Предложение с глаголом в индикативе предназначено прежде всего для употребления в высказывании с утвердительной иллюкутивной модальностью, и в этом контексте индикатив означает, что ситуация является реальной, т. е. имеет место. Однако то же предложение может быть вставлено в такие контексты, где индикатив не выражает реальности ситуации. Это контексты **снятой утвердительности** (*suspended assertion, neutralization of assertiveness* по [Weinreich 1963/1970]; [Падучева 1985: 33, 94, 95]; [Падучева 2005]), ср. английский термин **non-veridicality**, например, в [Giannakidou 2002], **неверидиктальность**, т. е. безотносительность к реальности.

В контексте снятой утвердительности семантика индикатива **нейтрализуется**. Так, предложение (14а) имеет утвердительную иллюку-

тивную модальность, и индикатив в этом контексте выражает реальную объективную модальность — означает, что ситуация имеет место. А та же пропозиция в (14б) и в (14в) находится в синтаксически подчиненной позиции, причем подчиняющий предикат (он называется **нефактивным**) обладает свойством снимать реальную объективную модальность подчиненной пропозиции, так что индикатив не выражает реальности ситуации:

- (14) а. Вася живет сейчас в Москве. — б. Я думаю, что *Вася живет сейчас в Москве*. в. Я не думаю, что *Вася живет сейчас в Москве*.

В примере (15) пропозиция выражается придаточным условным; и здесь индикатив тоже не выражает реальности ситуации:

- (15) Если *Вася живет сейчас в Москве*, он тебе поможет.

В [Исаченко 1960: 474 ff.] утверждается, что «индикатив не содержит никаких указаний на реальность или нереальность действия»; т. е. индикатив трактуется как «абсолютно немаркированная категория». С этим нельзя согласиться. Первичная функция индикатива состоит в том, чтобы представлять ситуацию как имеющую место, т. е. как реальную. Требуется специальный контекст, чтобы лишить индикатив этой его функции: в контексте снятой утвердительности пропозиция с глаголом в индикативе имеет не реальную, а **нейтральную** объективную модальность, т. е. употребляется безотносительно к истине. Во многих языках в контекстах типа (14б), (14в) употребляется не индикатив, а конъюнктив.

Нейтральную объективную модальность имеет пропозиция в контексте вопроса и императива — т. е. в контексте вопросительной или императивной, а не утвердительной иллокутивной модальности. Индикативность нейтрализуется также в контексте синтаксического подчинения — в изъяснительном контексте, как в (14а), (14б), в контексте условия, как в (15); а также в контексте обусловленности, как в (16):

- (16) {Если ему приказали вернуться,} он *вернулся*.

Нейтральную объективную модальность выражает индикатив также в контексте операторов установочной (субъективной) модальности, таких как возможность, необходимость, желательность:

- (17) Он, возможно, уже *вернулся*.

Описание значения и употребления вводных слов в п.4.3 во многом опирается на противопоставление реальной и нейтральной

объективной модальности **ассоциированной пропозиции** вводного слова, т. е. пропозиции в сфере действия выражаемой им пропозициональной установки.

Итак, индикатив вне контекста утвердительной иллюкутивной модальности задает ситуацию безотносительно к ее реальности (а пропозицию — безотносительно к истинности). Особый случай — пропозиция в статусе **презумпции** или **импликатива**; такая пропозиция имеет нулевую иллюкутивную силу, но реальную объективную модальность. Так, пропозиция ‘он приехал’ в контексте *Я рад, что он приехал* имеет статус презумпции и ту же реальную объективную модальность, что в контексте *Он приехал*. Статус презумпции может иметь также пропозиция, выраженная нефинитным глаголом или отглагольным именем: *Я рад вас видеть; Я рад вашему приезду*.

Иное дело контексты типа *Я думаю, что он приехал*, где пропозиция ‘он приехал’ не имеет статуса презумпции: тут нулевая иллюкутивная сила нейтрализует индикативность; пропозиция имеет не реальную, а нейтральную объективную модальность.

Снятая утвердительность — это важная модальная характеристика пропозиции. Например, снятая утвердительность определяет набор допустимых контекстов для местоимений на *-нибудь*. Скажем, предложение *Кто-нибудь пришел*, с иллюкутивной силой утверждения, звучит странно — оно требует домысливания какой-то субъективной модальности (например: *Наверно, кто-нибудь пришел*). А в контексте вопроса или императива, т. е. в контекстах снятой утвердительности, местоимение на *-нибудь* нормально: *Кто-нибудь пришел? Спой что-нибудь!* Допустимость местоимения на *-нибудь* позволяет отнести к контекстам снятой утвердительности и будущее время индикатива: *Кто-нибудь вам откроет*.

2.4. Сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение, иначе — **конъюнктив**, чаще всего употребляется в синтаксически подчиненной позиции: в условных, целевых, реже определительных придаточных, а также в сентенциальных актантах (см. п.2.4.1) — т. е. в контексте с нулевой иллюкутивностью, и выражает нейтральную или контрфактивную объективную модальность, см. примеры (2), (4) в п.2.1. Как отмечается в [Palmer 1986: 185], во всех языках выбор индикатива или конъюнктива в сентенциальных актантах часто зависит от подчиняющего предиката. Ср. в русском *Я рад, что он согласился* (индикатив) и *Сомнительно, чтобы он согласился* (конъюнктив).

Употребляясь в синтаксически независимой позиции, сослагательное наклонение выражает **желательность** (как оптатив в тех языках, где это наклонение отдельное от конъюнктива) или **обусловленность** (как кондиционалис в языках, где он отличен от конъюнктива, как в итальянском).

2.4.1. Синтаксически подчиненная позиция

Основное назначение сослагательного наклонения в синтаксически подчиненной позиции — выразить нереальную объективную модальность, т. е. **нейтральную** или **контрфактивную**, причем не всегда ясно, какую из двух. Нейтральную объективную модальность конъюнктив выражает в сложном предложении с **сентенциальным актантом** (вводимым союзом *чтобы*):

- (18) Я рад, что меня *не заметили* — индикатив, реальная модальность
- (19) Я старался, *чтобы* меня *не заметили*; Не может быть, *чтобы* он *ошибся* — конъюнктив, нейтральная модальность

Тот же тип модальности выражается конъюнктивом во вводимых тем же союзом **придаточных цели**: *Он спрятался, чтобы его не заметили*.

В **придаточном условном** конъюнктив выражает, как правило, невыполнимое условие (например, такое, которое относится к прошлому) и, соответственно, контрфактивную модальность (о модальности в главной части условного предложения см. в п.2.4.2), подробнее см. Сослагательное наклонение / п.4.2:

- (20) Если *бы* ты тогда *позвонил*, я бы тебе помог.

Русский конъюнктив не различает времен, и если время действия не выражено в контексте, то выполнимость / невыполнимость условия может быть неясна, а тогда неясно, выражает ли конъюнктив нейтральную или контрфактивную объективную модальность — как в придаточном предложении, так и в главном, см. пример (7) в п.2.1 (о главном также подробнее в п.2.4.2).

Конъюнктив может употребляться также в **придаточном относительном**, подробнее см. Сослагательное наклонение / п.4.4. В контексте нереферентной именной группы в главном предложении, когда придаточное описывает свойства объекта, который должен начать

существовать или появиться в поле зрения, конъюнктив выражает нейтральную модальность (подчеркнуты глаголы, которые порождают нереферентность определяемого имени):

- (21) Я пытался создать фонд, который *бы поддерживал* умных людей. [«Русский репортер» (2011)]
- (22) Валька тотчас искал причину, которая *бы сделала* похвалу незаслуженной. [А. Алексин. Сигнальщики и горнисты (1985)]

Контекст нереферентности имени в главном предложении, который лицензирует конъюнктив в придаточном, может создаваться отрицанием:

- (23) а. Обнаружились факты, которые *подтвердили* его правоту.
б. Не обнаружилось фактов, которые *подтвердили бы* его правоту.

В самом деле, если убрать отрицание в главном предложении в (23б), конъюнктив в придаточном определительном окажется неуместен:

- (24) **Обнаружились* факты, которые *подтвердили бы* его правоту.

Аналогично в примере (25) — при наличии отрицания, как в (25а), возможен и индикатив, и конъюнктив, но без отрицания, в (25б), конъюнктив неуместен:

- (25) а. Не было таких фотографов, которые *удержались / удержались бы* от монтажа, когда засовывали карточки в альбом.
б. Были такие фотографы, которые *удержались / *удержались бы* от монтажа, когда засовывали карточки в альбом.

Конъюнктив в придаточном относительном станет, однако, возможен, если поместить предложение в контекст условия — конъюнктив в этом случае будет выражать не нейтральную объективную модальность, а субъективную модальность обусловленность, ср. невозможное (24) и нормальное (26):

- (26) *Обнаружились* факты, которые *подтвердили бы* его правоту, если *бы были* предъявлены вовремя.

Условие может быть тривиальное, например, в (27) — ‘если бы она тут была’:

- (27) Жаль, что уехала Маша, которая *бы* нам сейчас очень *помогла*.

Значение обусловленности возникает у сослагательного наклонения в (27) в определительном придаточном, т. е. в синтаксически подчиненной позиции; в п.2.4.2 мы рассмотрим его же в синтаксически независимой позиции.

2.4.2. Синтаксически независимая позиция

В независимом предложении сослагательное наклонение может выражать **оптативное** значение (которое относится к сфере субъективной модальности, см. также п.4.2), а именно означать, что ситуация представляется говорящему желательной:

- (28) Если *б* он *знал*, как тяжело у меня на душе! [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)] = ‘я хотел бы, чтобы он знал’
- (29) *Было бы* сейчас лето!

В примерах (30), (31) говорящий представляет ситуацию не столько как желательную, сколько как составляющую главное (или единственное) условие для достижения какой-то естественной, желанной цели:

- (30) Там их навалом. *Были бы* деньги! = ‘главное, чтобы были деньги’
- (31) А может, не так уж и сложно начать изменения? *Было бы* реальное желание. [С. Шаргунов. Изношенная страна (2011)]

Это значение часто возникает в контексте, который отвергает неглавное условие:

- (32) Щи оставит — когда разогрею, а когда холодные кушаю, без аппетита. — Подумаешь, дело — разогреть! *Были бы* щи. [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

Значение конъюнктива в (30)–(32) можно тоже охарактеризовать как оптативное.

Второе значение, которое выражает конъюнктив в независимом предложении, — это значение **обусловленности**: говорящий ставит возможность наступления ситуации в зависимость от некоторого условия. Условие может быть выражено самыми разными способами. Важно, что конъюнктив обусловленности, как и желательности, возможен в синтаксически независимом предложении, притом в контексте утвердительной иллюкутивной модальности. Например, в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным условным.